

Попсуенко Л.А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Аннотация. В конце XVIII века Англия вступила в новую промышленную фазу развития капитализма. Результатом аграрного и промышленного переворотов стало изменение социально-классовой структуры английского общества и формирование, в конечном итоге, основных классов индустриального общества — промышленной буржуазии и наемных рабочих (пролетариата).

Изменения в социально-экономической сфере отразились и на политической жизни Англии. На политическую арену вышли новые классы, активно вступившие в борьбу за свои права. В связи с этим первая половина XVIII века стала временем создания новых и переориентировки старых политических объединений. Стремление промышленной буржуазии и пролетариата к участию в политической жизни проявилось в борьбе за новую избирательную систему.

Ключевые слова: английский парламентаризм, парламент, парламентские реформы.

Подчеркивая актуальность данного научного исследования, необходимо отметить следующее. Изучение конституционализма, как государственно-правового фактора исторического процесса, является одной из приоритетных задач истории государства и права. В подобном контексте особую важность приобретает исследование проблем развития парламентской монархии в Англии в XIX — нач. XX вв., а именно британского или же английского парламентаризма. Подчеркивая его значение, известный русский историк Н.И. Кареев писал: «...Все современные конституции, как бы они не отклонялись в ту или другую сторону, этим своим образцом или прототипом, имеют государственное устройство Англии» [3, 440].

В Англии, в стране давней политической и религиозной свободы, раньше, чем где-либо начался промышленный переворот, который выдвинул новые трудящиеся классы и настоятельно требовал свободы обмена. Но когда Французская революция выставила идеи народного верховенства и гражданского равенства, высшие правящие классы в Англии отнеслись враждебно к освободительному

движению. Аристократия, и без того не расположенная к реформам, вступила на путь реакции. Устаревший английский строй удерживался в неподвижности еще долгие годы, до парламентской реформы 1832 г. Эта задержка совпала с самым сильным развитием промышленного переворота и наиболее тяжелым положением рабочего класса в Англии. Рабочие были оторваны от земли и поставлены в исключительную зависимость от найма и заработка в крупных предприятиях. Между тем, новые предприятия руководились спросом на больших, нередко отдаленных рынках. Спрос этот подвергался очень сильным колебаниям, особенно вследствие войн, которые закрывали сбыт в ту или другую страну: происходили промышленные кризисы, т.е. фабрики и заводы должны были сокращать свое производство или вовсе закрываться и распускать массы рабочих, впадавших в полную нищету; с другой стороны, были предприятия, которые, напротив, быстро расширялись под влиянием возрастающего спроса: тогда они требовали увеличения числа рабочих, к ним направлялся сильный наплыв трудового люда, и в то же время заработная плата от такого крупного предложения труда понижалась. Новый, многочисленный рабочий класс должен был, кроме того, подчиняться устаревшим и суровым законам о труде времен королевы Елизаветы. Заработную плату устанавливали в дельных местностях мировые судьи, которые принадлежали к числу крупных земельных собственников и промышленников: обыкновенно они ставили довольно низкий уровень платы, но фабриканты и землевладельцы, искавшие батраков, могли обойти и эту плату, заявив, что они хотят иметь рабочих из числа призываемых в приход бедняков. По закону о призрении из приходской кассы для бедных выдавали рабочим «дополнительное» нищенское содержание, сообразованное с ценой на хлеб и числом членов рабочей семьи: так как плательщиками в кассу были, главным образом, фабриканты и землевладельцы, то и выходило, что они под видом призрения, сводят своих рабочих на самое низкое содержание, какое только возможно [2, 398].

И фабричная, и земледельческая системы все более принимали вид новой тяжелой зависимости, «рабства белых». Во многих отраслях производства, где не требовалось применения большой силы, охотнее брали женщин и детей; отец рабочей семьи, в свою очередь, надеялся выиграть на удвоенной или утроенной работе всех членов. Но работа женщин и детей, которым платили несравненно меньше, вела к общему понижению заработной платы. И в этом отношении предприниматели извлекали выгоду из практики призражения бедных. Приходские попечители о бедных детях сбывали им как бы «на выучку» своих маленьких клиентов; эти даровые работники, предоставленные вполне произволу предпринимателей, жили вне всякой охраны, в самых ужасных условиях, и массами вымирали. Число так называемых призреваемых, т.е. сведенных на нищенское содержание рабочих людей, дошло до огромной цифры: в 1811 году от приходов содержали 1 340 000 человек, а через десять лет их было 2,5 миллиона.

В стране образовались, как выразился один парламентский оратор, «две нации, между которыми не было сношений и симпатии, которые в своих чувствах и мыслях не понимали друг друга, как жители разных поясов и планет, различно воспитанные, кормящиеся различной пищей и подчиненные разным законам». Сложилась как бы особая бедная церковь низших классов, методизм («правильный путь»): проповедники и проповедницы, непризнанные господствующей церковью, нередко странствующие, иногда из простонародья, собирали массы в открытых местах и возбуждали народ своими речами о покаянии и духовном перерождении [6, 296].

Никогда рабочие не были так стеснены в борьбе за улучшение своей участи, как именно в эту пору реакции. В Средние века существовали союзы мелких мастеров и подмастерьев, которые оказывали известную поддержку своим сочленам; теперь остатки этих союзов пытались иногда бороться с крупными предпринимателями. Однако в 1799 году прошел закон о союзах, который воспрещал не только стачки, но и всякого рода соединения рабочих с целью добиваться повышения заработной платы или уменьшения рабочего дня, или даже взаимопомощи и поддержки безработных, больных и осиротелых. Закон 1800 года как будто бы отвечал требованию промышленной свободы; его составители ссылались на то, что личность следует оградить от произвола и насилия союзов, но это было очень одностороннее применение начала свободы. Рабочий не пользовался правом сталкиваться со своими сотоварищами, тогда как и без того более сильные предприниматели, в качестве членов местного управления,

на законном основании, могли совместным соглашением устанавливать выгодную для себя плату, условия труда и т.д. Высшие классы старались всюду обеспечить свои интересы. Нищета вела к крайнему развитию бродяжничества и воровства; парламент выступал против системы бесчеловечных наказаний; за 200 с лишком различных деяний положена была смертная казнь, например, за кражу вещи с витрины магазина [2, 399].

В высших слоях общества господствовал тот взгляд, что явления эти неизбежно связаны с развитием промышленности.

Следует также отметить, что особое место в бедствиях Англии того времени занимал ирландский вопрос. Ирландия была областью завоеванной, и потому над ее крестьянским населением поместился слой посторонних господ. Ирландии не коснулся аграрный переворот XVIII века; она осталась страной мелкого земледельческого и скотоводческого хозяйства.

Все тяжелые вопросы, оставшиеся от XVIII в., были обострены продолжительной войной с Францией. Война велась в интересах английской промышленности; Англия приобрела себе ряд важных колоний, отняла у голландцев край Южной Африки (Капскую землю). Но в то же время расходы на войну были крайне велики: государственный долг за 25 лет увеличился почти вчетверо; потребовались чрезвычайные налоги, чтобы покрыть одни проценты с него; во время войны и благодаря континентальной блокаде, запиравшей доступ английским фабрикантам на материк, поднялась цена на хлеб и уменьшилась заработная плата. Землевладельческая аристократия, державшая в своих руках власть, постаралась перенести тяжесть последствий войны на другие классы и, больше того, обеспечить себе новую выгоду. Располагая большинством в парламенте, она отменила неприятный для помещиков подоходный налог, который был введен Питтом для покрытия военных издержек, и торжественно обещала не допускать его более никогда. Парламент ввел вместо того косвенные налоги на предметы первой необходимости. Т.е. обложил более многочисленные бедные классы; особенно важен был изданный в тот же час так называемый хлебный закон.

Со времени второй революции 1688 года землевладельцы английские получали выгоду от премий за вывоз хлеба; но они перестали вывозить хлеб с тех пор, как он стал нужен для возрастающего фабричного населения, и в самой Англии поднялась цена на него. Хлеба теперь не хватало, и пришлось допустить ввоз иностранного зерна. После войны лендлорды стали бояться, что большой ввоз хлеба (особенно из России) понизит им цены; иностранное зерно решили

допускать вообще к продаже лишь в том случае, если английский хлеб поднимается до высокой цены 40 фунтов за четверть пшеницы, и брать с ввозного хлеба пошлину, которая поднимала его цену еще дороже. При помощи этого закона 1815 года землевладельцы обеспечили себе при всяком урожае и при всяком спросе на хлеб твердую его цену; но выходило, вместе с тем, что премию им должны платить теперь все остальные классы и притом в самые тяжелые для себя годы [2, 403].

Фабриканты и торговцы были недовольны хлебным законом, так как он заставлял их повышать заработную плату и затруднял иностранную торговлю; рабочие были им недовольны, так как он создавал дороговизну. Мир вообще не принес того оживления в торговлю, которого ожидали; материковые страны, даже и с отменой континентальной системы, старались все-таки закрыть доступ английским товарам; фабриканты не знали, куда сбыть накопившиеся продукты, и распускали излишних рабочих. Среди рабочих, лишенных труда, недовольство выражалось иногда крайне бурно: они жгли амбары, разбивали фабрики и лавки, ломали машины, которым приписывали свое нищенское положение; 1816 год отличался особенно тяжелым кризисом. Оба промышленных класса, трудовой и капиталистический, были лишены представительства в парламенте и стали соединяться в протесте против узкой и эгоистической аристократии [5, 70].

Тяжелый 1816 год вызвал особенно острое политическое движение. Богатые промышленники Сити, т.е. Центрального Лондона, с лордом-мэром во главе, подали регенту (сыну сошедшего с ума короля Георга III) адрес, в котором указывали, что страна не может более выносить лежащие на ней тягости, и что существует лишь один выход — уничтожить злоупотребления в избирательной системе; нация пойдет к гибели, «если народу не будет предоставлено подобающего и сообразного конституции права при избрании членов парламента». Радикальная партия начала агитацию среди рабочих, созывая огромные митинги под открытым небом с речами о революции и стараясь подействовать на общество массовыми процессиями. Помимо мирных демонстраций, были попытки действовать путем заговоров, подобно карбонариям и другим тайным обществам на материке; союзы рабочих, строго преследуемые законом, поневоле должны были собираться ночью, прятать в лесу свои документы: они брали со своих сочленов страшные клятвы и обязательства молчать и грозили наказаниями за измену. Члены небольшого революционного общества попытались пробраться из лондонского предместья в центральную часть города, но были рассеяны отрядом войска.

Этого было достаточно, чтобы правительство отвергло адрес промышленников Сити, как «попытку к соблазну подданных»; регент объявил в парламенте, что «существующее устройство — самое совершенное из всех когда-либо выпадавших на долю народа»; при возвращении его домой в карету бросали камни. Консервативный парламент решил принять насильственные меры для подавления революционного духа. Когда министры доложили в палате о заговорах, союзах и собраниях, служащих к «ниспровержению учреждений королевства и подрыву начала собственности», парламент объявил приостановку Habeas corpus и дал правительству полномочия сажать в тюрьму всякое лицо, заподозренное на основании доноса в опасных для государства действиях. Далее парламент предоставил администрации право закрывать всякое собрание, в котором она усмотрит попытку предать ненависти и презрению существующее устройство; за нежелание разойтись по требованию властей была положена смертная казнь. Чтобы избавиться от критики демократической печати, «самого опасного врага конституции», как выразился один министр, мировым судьям было предоставлено без предъявления суда, заключать в тюрьму авторов и продавцов «кошунственных и мятежных сочинений».

Так как в новом парламенте, сошедшемся в 1819 г., большинство осталось за тори, враждебными всяким изменениям, радикалы снова устроили громадный митинг в Манчестере с тем, чтобы голосовать петицию о реформе. Напуганный движением парламент принял 6 пунктов, прозванных «законами для зажимания ртов». В силу их, мировые судьи получили право домашних ночных обысков при подозрении, что где-либо скрывается оружие. Газеты и брошюры были обложены гербовым сбором, а издатели их должны были предъявлять залог. «Мятежные и богохульные» книжки подлежали конфискации, а при вторичном проступке издателям и составителям грозил штраф, тюрьма и ссылка. Население городов, не имевших самоуправления, т.е. как раз крупных фабричных центров, лишилось права собраний; было запрещено вообще собираться «для исследования причин недовольства государственными и церковными порядками и для приготовления петиций», приходить на собрания с оружием, знаменами и значками; местным властям было поручено не допускать или разыскивать опасные, по их мнению, сходки [2, 407].

Реакционные меры, принятые английским парламентом против массы населения, стеснения прав личности, свободы печати и свободы собраний, были похожи на то, что предпринимали монархические правительства этого времени на материке.

Но в Англии на этот раз, как и вообще в течение XIX в., напряжение общества не дошло до революции. Буржуазия не хотела действовать путем восстаний, рабочие были еще мало подготовлены, в их среде были очень слабые союзы. Но и реакция имела недолгий успех. Исключительные законы в такой мере противоречили общим началам английской конституции и практике долгих веков, что их невозможно было применять со всей силой. Притом в среде самого правящего класса в Англии выступили политики, которые не упорствовали в преследовании противника, а сумели сделать своевременные уступки.

После победы над Наполеоном, министр иностранных дел лорд Кестльри действовал в полном согласии с государями Священного союза. Непримиримых тори в министерстве сменили постепенно политики более умеренные, между ними Пиль, происходивший из семьи разбогатевших в XVIII в. хлопчатобумажных фабрикантов, и Каннинг, который после смерти Кестльри заменил его в руководстве иностранными делами. Каннинг согласился признать независимость южноамериканских колоний, отделившихся от Испании. Благодаря этому, открылись оживленные сношения с Южной Америкой, и Англия извлекла из них большую выгоду. На вновь открывшиеся рынки направились английские изделия; английские капиталисты составили компании для разработки рудников и других естественных богатств Южной Америки. Торговля крайне оживилась, и во многих промыслах поднялись заработки [7, 408].

Одновременно начались внутренние реформы. Была проведена отмена суровых уголовных законов, грозивших смертью за мелкие проступки. В 1824 г. отменили закон, запрещающий союзы рабочих. Этот закон дал людям труда простор в защите своих интересов. Тотчас же стали появляться треды (trades), т.е. соединения мелких мастеров и рабочих по их специальностям: механиков, портных, башмачников, ткачей и т.п. Треды ставили себе задачей выяснение общих условий работы в каждом ремесле, оказание помощи своим сочленам в случае болезни или безработицы, поддержку в случае стачек; каждый тред заводил себе кассу, выбирал комитет для управления делами, созывал всех сочленов на общее собрание.

Первые реформы, проведенные умеренными консерваторами, не затрагивали конституции с ее устарелыми и случайными чертами. Между тем, она оставляла вне политической жизни самые деятельные общественные элементы новой Англии, весь промышленный ее Север с большими фабричными городами, а также Лондон, который при своем огромном населении был представлен

слишком слабо. Помимо крайне уродливого распределения избирательных прав с особым положением «гнилых местечек» и т.п., были еще другие односторонние законы, исключавшие массу населения из-за религии: Акт о присяге и Корпорационный акт допускали в парламент только англиканцев и исключали католиков и диссентеров. В конце 20-х годов вновь усилилось движение к избирательной реформе. Сначала удалось добиться допущения в парламент и к должностям диссентеров, затем также католиков. Последняя реформа, эмансипация католиков, составлявших большинство населения в Ирландии, прошла, главным образом, благодаря агитации ирландца О'Коннела [4, 62].

Реформа, проведенная в парламенте в 1829 г., была мало удовлетворительна: вместе с передачей католикам политических прав, в Ирландии повысили избирательный ценз с тем, чтобы устранить от участия в выборах беднейший разряд фермеров, наиболее нуждавшихся в защите своих интересов. В таком виде она не могла примирить большую часть туземного населения с Англией и национальное движение возродилось скоро под руководством того же О'Коннела, в виде требования отмены Унии 1801 года. Но значение реформы было в том, что допущение католиков послужило брешью в старой конституции XVII века. Когда проводили билль об эмансипации католиков, один из торийских лордов Верхней палаты заметил, что не стал бы так сильно возражать против него, если бы не был уверен, что за ним последует билль о реформе парламента [2, 409].

Таким образом, говоря о предпосылках модернизации парламентаризма в Англии, следует отметить, в конце XVIII века Англия вступила в новую промышленную фазу развития капитализма. В 60-х годах XVIII века здесь впервые в мире началась промышленная революция, ознаменовавшаяся переходом от мануфактуры к фабрично-заводскому производству. Во второй половине XVIII века она развивалась одновременно с завершавшейся аграрной революцией, приведшей к складыванию капиталистических методов ведения хозяйства в деревне. Результатом аграрного и промышленного переворотов стало изменение социально-классовой структуры английского общества и формирование, в конечном итоге, основных классов индустриального общества — промышленной буржуазии и наемных рабочих (пролетариата).

Сдвиги в социально-экономической сфере отразились и на политической жизни Англии. На политическую арену вышли новые классы, активно вступившие в борьбу за свои права. В связи с этим первая половина XVIII века стала временем создания новых и переориентировки

старых политических объединений. Прежде всего, изменилась социальная база традиционных политических партий Англии: вигов и тори.

Интересы промышленной буржуазии, стремившейся к проведению демократических преобразований, стала представлять партия вигов; партия тори по-прежнему выражала интересы крупных землевладельцев (лендлордов) и финансовой аристократии, пытавшихся сохранить установившуюся в XVIII веке политическую систему. В этот же период появляются первые рабочие союзы [1, 246].

Стремление промышленной буржуазии и пролетариата к участию в политической жизни проявилось в борьбе за новую избирательную систему.

Литература:

1. Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран / К. И. Батыр. — М. : Проспект, 2004. — 404 с.
2. Виппер Р. Ю. История Нового времени / Р. Ю. Виппер. — К. : Ника-Центр, 1997. — 624 с.
3. Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / Н. И. Кареев. — СПб, 1908. — 496 с.
4. Прудников М. Н. История государства, права и судопроизводства зарубежных стран / М. Н. Прудников. — М. : ЮНИТИ, 2007. — 415 с.
5. Степанова Н. М. Британский неоконсерватизм и трудящиеся, 70-е — 80-е годы / Н. М. Степанова. — М. : Наука, 1987. — 140 с.
6. Тарле Е. В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке / Е. В. Тарле. — СПб, 1903. — 367 с.

Попсуенко Л.О. Передумови модернізації англійського парламентаризму в кінці XVIII — першій половині XIX ст. — Стаття.

Анотація. В кінці XVIII століття Англія вступила в нову промислову фазу розвитку капіталізму. Результатом аграрного та промислового переворотів стала зміна соціально-класової структури англійського суспільства та формування, в підсумку, основних класів індустріального суспільства — промислової буржуазії і найманих робітників (пролетаріату).

Зміни в соціально-економічній сфері відобразились і на політичному житті Англії. На політичну арену вийшли нові класи, які активно вступили в боротьбу за свої права. В зв'язку з цим, перша половина XVIII століття стала часом створення нових і переорієнтування старих політичних об'єднань. Намагання промислової буржуазії та пролетаріату до участі в політичному житті виявилось в боротьбі за нову виборчу реформу.

Ключові слова: англійський парламентаризм, парламент, парламентські реформи.

Popsuienko L.A. Preconditions of modernization of the English Parliamentarianism at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries. — Article.

Summary. At the end of the XVIII century England has entered the new industrial phase of development of capitalism. The agrarian and industrial revolutions resulted in the change of social and class structure of the English society and formation, finally, of the basic classes of the industrial society: industrial bourgeoisie and wage laborers (proletariat).

Changes in social and economic sphere had also an effect on the political life of England. The new classes appeared at the political scene, and they initiated the struggle for their rights. In connection with the above the first half of the XVIII century became time, when the new political associations were created, and the old ones changed their guidelines. The attempts of the industrial bourgeoisie and proletariat to participate in developed into their struggle for the new electoral system.

Key words: English parliamentarianism, parliament, parliamentary reforms.